

Мас.
26863

ТЕКУЩАЯ ЛИТЕРАТУРА.

2. «Дамы съ собачкой» — рассказ А. И. Чехова («Рус. М.» № 12). «Преступление Марьи Ивановны» — рассказ А. М. Вербицкой («Жизнь» № 11).

I.

Новогодних новиннокъ по части беллетристики не оберетесь: въ первой книжкѣ каждаго журнала обязательно найдете что нибудь новое. Въ «Вѣстн. Европы» и «Рус. Мысли» на первомъ планѣ стоитъ, конечно, г. Боборыкинъ съ двумя новыми своими повѣстями: въ «В. Евр.» — безъ сомнѣнія изъ велико-свѣтскаго быта, въ «Р. М.» — изъ прогрессивнаго круга. А затѣмъ вы встрѣтите всѣхъ выдающихся беллетристовъ: г. Мамина, и Потапенка, и Баранцевича, и М. Крестовскую. Къ сожалѣнію, многу вы видите одни начала, съ обѣщаніемъ продолженій; окончанія жескрываются, Богъ вѣсть, въ какомъ отдаленномъ будущемъ. Не желая говорить о новыхъ вещахъ нашихъ почтенныхъ беллетристовъ, прежде ихъ появленія въ полномъ видѣ, мы обратимся къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ прошлогоднихъ рассказовъ, о которыхъ мнѣ не случалось бѣсѣдовать. При этомъ я намѣренъ избрать предметомъ моего фельетона не какія-либо опущенныя мною крупныя вещи, въ родѣ хотя бы «Передъ грозой» г. Погорѣлова или «Освободилась» г-жи Вербицкой, а вышеоначенные два маленькіе рассказика г. Чехова и г-жи Вербицкой, потому что мнѣ какъ то не по себѣ, если я пропущу молчаніемъ что нибудь новое г. Чехова; рассказъ же г-жи Вербицкой подвергается кстати, мнѣя нѣкоторую внутреннюю связь съ рассказомъ г. Чехова; одинъ другому можетъ служить иллюстраціей.

Сродство этихъ рассказовъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ обоихъ очень маленькіе люди переживаютъ очень маленькія, но тѣмъ не менѣе очень мучительныя драмы, какихъ не дай, Боже, переживать намъ съ вами.

Да, читатели, маленькіе люди и у нихъ маленькія драмы, а приходило-ли вамъ въ голову, что маленькія драмы не въ примѣръ ужаснѣе тѣхъ крупныхъ драмъ, какія приходится переживать большимъ людямъ? У большихъ людей драмы заключаются обыкновенно въ титанической борьбѣ съ мимъ рокомъ, съ вулканическими страстями, съ общественными стихіями и т. п. Какъ бы ни приходилось имъ много страдать, если бы даже и пасть въ непосильной борьбѣ, все-таки ихъ жожеть въ значительной степени утѣ-

шать сознаніе, что въ борьба ихъ, и самое паденіе имѣють очень красивый, иногда даже и величественный видъ, что совѣсть ихъ чиста и спокойна, однимъ словомъ, чувствуютъ они себя заправскими героями и могутъ любоваться собою вдоволь.

Совсѣмъ иной характеръ имѣють маленькія драмы маленькихъ людей. Возникають онѣ не изъ какихъ-либо роковыхъ коллизій, а изъ мелкихъ страстишекъ, грязненькихъ и пошленькихъ слабостей и пороковъ, очень же часто изъ-за недодуманности, легкомыслія, глупости; борьба съ самыми первыми ея схватокъ оказывается не подъ силу, пасть же подъ ея ударами не хватаетъ мужества, рѣшимости. И ни малѣйшей отрады исполненнаго долга, ни малѣйшей гордости совершеннаго геройскаго подвига не получается въ результатѣ, — одно какое-нибудь безвыходно-нелѣпое, фальшивое положеніе, и ко всѣмъ страданіямъ присоединяется чувство позора, униженія, муки раскаянія въ сдѣланныхъ ошибкахъ, въ безхарактерности, малодушіи. Ахъ, какъ все это мучительно, какъ страшно!

II.

Такая именно безвыходная, позорно-мучительная драма маленькихъ людейшекъ составляетъ содержаніе рассказа г. Чехова. Героемъ этой драмы является нѣкій московскій банковскій чиновникъ Дмитрій Дмитриевичъ Гуровъ. По образованію онъ былъ филологъ; готовился когда-то пѣть въ частной оперѣ, но бросилъ; имѣлъ два дома въ Москвѣ, жену, дочь двѣнадцати лѣтъ и два сына гимназиста. Его женили (?) рано, когда онъ былъ еще студентомъ второго курса, и теперь жена его казалась въ полтора раза старше его. Это была женщина высокая, съ темными бровями, прямая, важная, солидная и, какъ она сама себя называла, мыслящая. Она много читала, не писала въ письмахъ ѣ, называла мужа не Дмитріемъ, а Дмитріемъ, а онъ втайнѣ считалъ ее недалекой, узкой, неизящной, боялся ея и не любилъ бывать дома. Измѣнять ей онъ началъ уже давно, измѣняя часто и, вѣроятно поэтому о женщинахъ отзывался почти всегда дурно, и когда въ его присутствіи говорили о нихъ, то онъ называлъ ихъ низшею расою. Ему казалось, что онъ достаточно наученъ горькимъ опытомъ, чтобы называть ихъ, какъ угодно, но все же безъ «низшей расы» онъ не могъ бы прожить и двухъ дней. Въ обществѣ мужчинъ ему было скучно, не по себѣ, съ ними онъ былъ неразговорчивъ, холо-

день, но когда находился среди женщин, то чувствовал себя свободно и знал, о чем говорить с ними и как держать себя; и даже молчать с ними ему было легко. Въ его наружности, въ характерѣ, во всей его натурѣ было что-то привлекательное, неуловимое, что располагало къ нему женщинъ, манило ихъ; онъ зналъ объ этомъ, и его самого тоже какая-то сила влекла къ нимъ.

Такимъ же маленькимъ, ничтожнымъ человечкомъ рисуется передъ нами и героиня разсказа, Анна Сергѣевна. Выросла она въ Петербургѣ, училась въ институтѣ, выдали ее замужъ за какого-то чинушу, который увезъ ее въ городъ С., гдѣ служилъ. „Живуть же, — разсказывала она о самой себѣ, — другія въ провинціи, отчего мнѣ не жить? Но мнѣ С. сталъ противенъ съ первой же недѣли; какъ выгляну въ окно, а тамъ сѣрый заборъ, длинный сѣрый заборъ, — о, Боже мой! Ложалась въ девять часовъ спать, и только развлечения, что въ три часа обѣдъ, а въ девять — спать. Мой мужъ, быть можетъ, честный, хороший человекъ, но вѣдь онъ лакей! Я не знаю, что онъ дѣлаетъ тамъ, какъ служить, а знаю только, что онъ лакей. Мнѣ, когда я вышла за него, было двадцать лѣтъ, меня томило любопытство, мнѣ хотѣлось чего нибудь получше; вѣдь есть же, говорила я себѣ, другая жизнь. Хотѣлось пожить! Пожить и пожить... Любопытство меня жгло... вы этого не понимаете, но, клянусь Богомъ, я уже не могла владѣть собой, со мной что-то дѣлалось, меня нельзя было удерживать, я сказала мужу, что больна, и пріѣхала въ Ялту“.

Такимъ образомъ, оба они были одинаково несчастны, не найди въ своей семейной жизни того, что составляетъ всю ея поэзію и всю ея правду, безъ чего семья является возмутительною ложью, фальсификаціею, гнилымъ трупомъ семьи. Ему была противна жена въ такой же степени, какъ ей мужъ. Въ этомъ лежала основная причина той драмы, которая разыгралась въ ихъ жизни.

III.

Оба одинаково несчастные, они встрѣтились во время лѣтняго сезона въ Ялтѣ, познакомились, понравились другъ другу и очень скоро сошлись. Ихъ связь вначалѣ вполнѣ носила характеръ мимолетной курортной интрижки. Такъ смотрѣлъ на нее но крайней мѣрѣ Гуровъ, которому не впервые приходилось одерживать быстрыя побѣды надъ женщинами ради легкихъ и непродолжительныхъ связей. Анну Сергѣевну му-

чила эта внезапная связь, какъ женщину, сохранившую еще душевную чистоту: она видѣла въ ней паденіе. Но и она не обманывалась въ прочности связи, и когда прощалась съ Гуровымъ, говорила ему:

— Это хорошо, что я узнаю; это сама судьба. Еще немного, и я увлеклась бы вами серьезно. Вы такой хороший, такой милый, чудный, рѣдкій человекъ, васъ такъ легко полюбить! Но зачѣмъ любовь? Она разбила бы мою жизнь. Любить васъ тайно, скрываясь отъ всѣхъ — развѣ это не ужасно?.

Оба они такимъ образомъ разошлись, повидимому, на вѣки: онъ уѣхалъ въ Москву, она въ С. Но не такъ-то легко оказалось имъ забыть другъ друга, какъ они на это рассчитывали. Оба не переставали думать другъ о другѣ, обоимъ имъ сдѣлалось противно все окружающее, оба только и жили воспоминаніями о лѣтѣ и ихъ свиданіяхъ въ Ялтѣ. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и на праздникахъ, сказавши женѣ, что уѣзжаетъ въ Петербургъ хлопотать за одного молодого человека, поѣхалъ въ С. Тамъ онъ встрѣтилъ въ театрѣ Анну Сергѣевну, которая пришла въ ужасъ, увидя его, умоляла его уѣхать тотчасъ же, обѣщавшись пріѣхать къ нему въ Москву, говоря въ то же время, что она никогда не была счастлива, и теперь несчастна и никогда, никогда не будетъ счастлива, никогда!

И Анна Сергѣевна стала пріѣзжать къ нему въ Москву. Разъ въ два-три мѣсяца она уѣзжала изъ С. и говорила мужу, что ѣдетъ посоветоваться съ профессоромъ на счетъ своей женской болѣзни, — и мужъ вѣрилъ и не вѣрилъ. Пріѣхавъ въ Москву, она останавливалась въ „Славянскомъ Базарѣ“, и тотчасъ же посылала къ Гурову человека въ красной шапкѣ. Гуровъ ходилъ къ ней, и никто въ Москвѣ не зналъ объ этомъ.

„Анна Сергѣевна и онъ, читаемъ мы въ заключеніи, — любили другъ друга, какъ очень близкіе, родные люди, какъ мужъ и жена, какъ нѣжные друзья; имъ казалось, что сама судьба предназначила другъ для друга. и было непонятно, для чего онъ женатъ, а она замужемъ, — это было чудовищно; и точно это были двѣ перелетныя птицы, самецъ и самка, которыхъ поймали и заставили жить въ отдѣльныхъ кліткахъ. Они простили другъ другу то, чего стыдились въ своемъ прошломъ, прощали все въ настоящемъ и чувствовали, что эта ихъ любовь измѣнила ихъ обоимъ... Они долго совѣтовались, говорили о томъ,

какъ избавить себя отъ необходимости прятаться, обманывать, жить въ разныхъ городахъ, не видѣться подолгу? Какъ освободиться отъ этихъ путъ?

— Какъ? Какъ? — спрашивать онъ, хватая себя за голову. — Какъ?

„И казалось, что еще немного — и рѣшеніе будетъ найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обонимъ было ясно, что до конца еще далеко-далеко, и что самое сложное и трудное только еще начинается“.

Вотъ онѣ каковы бывають драмы маленькихъ людишекъ. Казалось бы, разъ ему опротивѣла жена, ей — мужъ, и въ то же время жить отдѣльно и вдали другъ отъ друга имъ тяжело и горько, то что стоило имъ разойтись со своими законными половинами и поселиться вмѣстѣ? Пусть люди смотрѣли бы на ихъ свободный союзъ, какъ на незаконное сожитіе, это не мѣшало бы имъ. самимъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе убѣждаться, что любовь связываетъ людей сильнѣе всякихъ метриковъ.

Но въ томъ и была загвоздка, что они были люди маленькіе, и то, что ничего не стоитъ большимъ людямъ, ахъ, какъ трудно для малюсенькихъ. Та самая наутина обычаевъ, приличій, толковъ, пересудовъ, косыхъ взглядовъ, двухъмысленныхъ улыбокъ, родственныхъ опалъ, разстройствъ служебныхъ отношеній и положеній, наутина, сквозь которую безъ труда проходятъ крупные мухи, для мелкихъ оказывается непроходима. Остается только хвататься за голову, чувствовать себя несчастными, терзаться сознаниемъ своего безсилія, своего ничтожества и пресмыкаться весь вѣкъ въ такомъ безвыходно-фальшивомъ и нелѣпомъ положеніи, въ которомъ пришлось путаться нашимъ героямъ. Такимъ образомъ, драма далеко не всегда является борьбою: очень часто, наоборотъ, заключается въ отсутствіи борьбы, въ безсиліи героевъ на мало-мальски смѣлый и рѣшительный шагъ. А такими драмами полна жизнь; вы встрѣтите ихъ на каждомъ шагу, по той простой причинѣ, что маленькихъ людей несравненно болѣе, чѣмъ крупныхъ: можно сказать, весь родъ человѣческій въ большинствѣ состоитъ изъ мошекъ.

IV.

Въ такомъ же совершенно родѣ развивается передъ нами и драма, составляющая содержаніе разсказа г-жи Вербицкой. Здѣсь, въ свою очередь, все основывается на безсиліи маленькихъ людей бороться и отважиться на мало-мальски смѣлые и рѣшительные шаги.

Но на радость явилась на свѣтъ ге-

роиня же, — ея дѣвчуха, учень когда пла сама хозяйн, с ловец улицу хватил шей, ночью жала дной.

„Б подь надца ни п стра подь лобно тѣлос тѣлос“.

„О Моло и по была давал попла чѣмъ..“

И ка впер ноть, дожда тирно

въ бу.

А е пять . ло ей отдала дость, жизнь

И злой женн нѣжн кимъ долю сужен то во всѣхъ

Так

раго былъ ципах ни ст ки Ли его вт забил держат